

БОГДАН СОЙКО,

протоиерей, настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора,
профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета
профсоюзов

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАДАЧИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Культура отношений человека к человеку, к природе, окружающему миру и к Богу заложены в Священной летописи — Библии. “И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями), и над птицами небесными (и над всяким скотом, и над всею землею), и над всяким животным пресмыкающимся по земле” (Быт. 1.27—28).

В повелении Бога первозданным людям сказано: хранить и возделывать рай, наполнять землю, подчинять ее себе и господствовать над нею; указана сущность того, что мы называем культурой и определены навсегда культурные задачи человечества.

Человеком завершилось творение; таков голос и религии, и науки. Наука видит в этом мире великую мастерскую естественных сил и естественных законов, религия прибавляет сюда свое воззрение, без которого не может обойтись человек и без которого мир наш был бы и бессмыслен, и жалок, и пуст, и холоден; она объединяет эти силы и законы в Едином Творце, Божественные свойства и планы Которого осуществлялись в мире.

Голос веры и голос науки согласно говорят нам, что в мире не есть что-либо чуждое для человека, что в нем выступает и волнуется родственная нам жизнь, которая предназначена для нас. Природа — это великая и богатая образная письменность, которую дано разгадывать и читать из всех тварей земных только одному человеку; она опознала себя в сознательном духе человека; все голоса ее находят себе отзвуки в нашей груди.

На этом и основана культура. Подчинять себе мир; господствовать над ним, по библейской заповеди; проникать в него духом; облагораживать, одухотворять окружающую природу; сделать этот мир нашим материальным и духовным достоянием в самом широком смысле этого слова, сделать его орудием и местом насаждения Царства Божия и религиозно-нравственного миропорядка, по указанию Божественного Откровения, и в этой деятельности не знать и не иметь даже предположительно определяемых границ, — это воля Божия о нас и наше призвание.

История есть последовательное выполнение культурных задач, и мы видим, как, углубляясь более и более в этого рода деятельность, человек, если он не забывал Единой высшей Силы, если он не смешивал средства с целью, и сам духовно совершенствуется, возрастая от силы в силу. В противном случае он неприметно обращался бы из царя в раба этого мира...

Христианство именуется новым заветом (2 Кор. 3, 6), новой заповедью (Иоанн. 13, 34), путем новым и живым (Евр. 10, 19); оно называет каждого своего последователя новой тварью (2 Кор. 5,

19; Галат. 6, 15), новым человеком (Еф. 2, 15, 4, 24; Колос. 3, 10); требует от нас не только единичного, но постоянного, непрерывного повседневного обновления (Римл. 6, 4; Кор. 4, 16; 1 Петр. 2, 9; 1 Кор. 5, 7) и в нем полагает задачу нашей нравственной деятельности на земле до тех пор, пока, в завершение жизни мира, мы не увидим нового неба и земли (2 Петр. 3, 13), нового города — скинии Бога с людьми (Апок. 21, 1—4), и пока не услышим вечного слова Бога, полагающего конец видимому порядку вещей: се творю все новое (Апок. XXI, 5)...

Христианство увенчало собою пять с половиной тысяч лет пламенных ожиданий возрождения и обновления; о нем, как о новом завете, лучшем и совершеннейшем, как о величайшей радости и грядущей замене ветхого завета, говорили древние пророки еврейскому народу (Иерем. 31, 31—34); о нем, как о новом порядке вещей, мечтали философы и поэты древнего языческого мира, который был объят процессом нравственного разложения и стоял на краю гибели (Сократ, Платон, Вергилий, Тацит, Сенека); о нем же говорили и древние языческие религии, научившие народы Востока и Запада ожидать пришествия нового Учителя, нового Царя мира и Искупителя, имеющего сообщить людям волю небес, избавить от грехов и дать основы новой, блаженной — счастливой жизни. Но причины, вызвавшие грех и заблуждение в древнем мире и заставлявшие человечество ждать обновленной жизни, не умерли в злой и греховной воле человека. И в истории христианского мира время от времени мы замечаем периоды упадка духа, отчаяния, сомнения и слабости — периоды, когда нравственные начала теряют силу в жизни человечества, и лучшие его представители начинают с тоской озираться вокруг, ища средства вдохнуть в людей упавшую бодрость, поднять принизившееся нравственное состояние общества.

Наше время ищет этого обновления: оно стоит перед многими вопросами, перед многими язвами, требующими разрешения и врачевания. Учащенные случаи самоубийства показывают общее недовольство жизнью и даже какое-то притупившееся чувство жизни. Наше время характеризуется особым размахом преступлений, иногда диких и совершенно необъяснимых, падением основ жизни семейной, общественной, государственной.

При всем уважении к культуре и образованию нельзя ожидать и требовать от них того, чего они дать не в состоянии: нельзя думать, что люди могут сделать мир лучше только и исключительно через знание и прогрессивную культуру. Культура, если она не имеет здоровой духовной основы, если знание склоняет человека только к жизненным удобствам, а не ведет его к истине. Верховной Истине — Богу, то она еще мало говорит о человеческой, в истинном смысле слова, стороне жизни. Используя выражения Священного Писания, человек душевный, а не духовный, здесь только усовершенствованная жизнь животного. Прекрасно говорит древний пророк Исаия о таком знании: “Мудрость твоя и знания твои — они сбили тебя с пути, и ты говорил в сердце своем: я и никто, кроме меня” (Ис. 47, 10).

Но если знание и обращено к вопросам нравственным, и даже тогда не в нем одном спасение. Как наивно и горячо верили и верят, что простое знание добра есть надлежащее и верное средство сделаться добродетельным, что борьба, неизбежный спутник наш в нравственном восхождении, есть только борьба против заблуждений и предрассудков! Знание, может быть, спасает от глупости, хотя и здесь на всякого мудреца довольно простоты, но не может оно спасти от безнравственности. Кто из нас не испытывал моментов искушения ко злу, когда страсть пользуется правом сильного, когда грех манит обещанием наслаждения и счастья, обещает уплатить наличною монетою — непосредственным и немедленным удовлетворением нашего ли гнева, гордости или чувственности, и мы, тысячи раз обманутые, снова и снова легкомысленно верили обещанию?

Здесь не только моменты неведения. В этом есть признание какого-то бессилия. Это та греховность, о которой учит нас Священное Писание, возводя нас ко временам первого грехопадения и к глубокомысленному мировому учению о грехе первородном, то зло, “неистребимо живущее в нас”, о котором говорили древние философы от Гераклита до Сократа и Платона и которое Кант выразительно называет злом радикальным.

Апостол Павел в послании к римлянам говорит, что зло радикальное “требует не частичного улучшения или преобразования, а целостного переворота в нас, который можно сравнить только с

новым творением”. Здесь и припоминаются слова апостола Павла, что христиане — “новая тварь” (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15). Таким образом, в виду греховности, даже при совершенном знании человек часто “не в силах бороться в исполинской битве долга”, потому что одно знание не может сделать слабые силы крепкими, нездоровые — здоровыми. Стоит прочесть знаменитую “Исповедь” блаженного Августина, чтобы убедиться в этой истине. По словам апостола Павла, “закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра ... а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, что не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр. А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божьем; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?” (Римл. 7, 12, 14—18, 21—24).

Тяжкий житейский опыт разве не свидетельствует о том, что, находясь в среде образованных людей, деятели, которым вверена судьба обществ и государств, не находят себе надежных (в смысле нравственном) сотрудников, и разве не раздаются их горькие жалобы: “Нет людей”... Не редко люди пользуются изощренностью своего ума и обширными сведениями для совершения и сокрытия преступления. Часто ученость ничего общего не имеет с честью и любовью.

Кроме знания, которое, несомненно, необходимо, требуется и другая сила, через которую знание могло бы становиться деятельным. Эту силу и надеются найти в государственно-общественных преобразованиях. Думают, что взятые сами по себе, независимо от другой какой-либо силы, независимо и от какой бы то ни было религии, они способны дать верную основу внутреннего благоденствия государству и его народам.

Многие надеются, что в смене одних реформ на другие, более жизненные и плодотворные, в широком развитии и правильной постановке законодательства и устройства общественной жизни можно почерпнуть силу обновления и возрождения, и спасения человечества.

Светлые картины иногда поражают воображение человека: улучшаются законы, предусматриваются взаимные отношения. Под влиянием законов и реформ воспитываются люди. Хорошее законодательство, в конце концов, поставит человека в невозможность быть худым и порочным, в невозможность совершить преступление... Социология даст для этого помощь. Изучена будет психология масс и управления людьми, урегулирование их жизни станет просто механическим, от того легким и в то же время достигшем цели. При всем этом разнообразии стремлений и предполагаемых мер остается вера в то, что стоит только дать тот или другой желанный строй жизни человечества, и оно исцелит от своих язв и заживет счастливою жизнью. Так говорили и говорят восторженные теоретики и мечтатели, но совершенно обратному учит жизнь и история всякого, имеющего глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Летописи мира громко проповедают истину о том, что в то время, как все сферы человеческой деятельности, в том числе законодательство и правление, достигли высшего развития, в то же время и зло, живущее в природе человека, развивалось со свойственной ему силою и обнаруживалось разложением нравов, потрясая и сокрушая самые внутренние основы общечеловеческого благоденствия и счастья, — все, что было создано в течение веков напряженною деятельностью целого ряда поколений.

Под влиянием долговременного воздействия законов и общественного строя силою привычки и внутреннего обычая удерживалось добро. Но тою же силою привычки удерживалось и зло, также делаясь “второю природою” и обращая в органы служения себе и ум, и волю человека. Поэтому эпохи высшего научного и государственного развития народов совпадали с эпохой высшего развращения их нравов и часто служили началом их гибели и падения.

Царство Соломона, блиставшее славою, мудростью и богатством, вследствие нравственного разложения привело народ к разделению, потом к гибели. Вавилон, этот молот всей земли, по

выражению пророка Иеремии, погиб в грубой чувственности и пороках непосредственно после всемирного могущества. Та же судьба постигла в свое время и Египет, и Ассирию. Древняя Персия, достигнув мирового господства, изменила чистоте своих нравов — и пала. Спарта, Афины после расцвета стали клониться к упадку. Царствование Александра Македонского, совместившее все блистательное, могущественное, ученое с безумно роскошным, сладострастным, грубо деспотическим, едва пережило себя. Блистательный век Людовика XIV, век всего изящного, утонченного, век расцвета поэзии и философии, как известно, был временем самого глубокого и сильного развращения, заразившего Европу, и предварил ужасы революции. Древний Рим, без сомнения, по словам своего национального поэта, отличался особым умением “править народами” (Виргилий). Рим служил и доныне служит образцом законодательства, он и сам пережил самые разнообразные виды управления. Однако тяжело смотреть на картину его нравов, которую рисует Сенека: “Все полно разврата и преступления, ежедневно теряется стыд, порок не скрывается более, а явно выступает пред глазами всех, что невинность не только редка, но ее совсем нет”. Тацит говорит, что в Риме “добродетель стала пороком”. По словам Марка Аврелия, “верность и честность, справедливость и истина отлетели на небо”.

При самом лучшем, гуманнейшем и справедливейшем законодательстве всегда найдутся люди, которые, пользуясь этим же законодательством, делают его средством нечистой наживы, оправдания преступления в судах, и через это — орудием развращения народа. Никакое законодательство внешнее, если оно не опирается на законодательство внутреннее, нравственное, если оно не освящено высшим Божественным авторитетом, никогда не приведет человека к счастью, не упорядочит его жизни, не даст ему веры в будущее торжество добра над злом, а без этой веры жизнь человека и жалка, и бессмысленна.

Распалась, наконец, самая страшная и чудовищная советская империя зла. С расцветом научных достижений и открытий, стремительного покорения космического пространства, в век атомной энергетики, электроники и кибернетики разрушались и уничтожались культура, архитектура, литература, живопись, искусство, вера, надежда, любовь, свобода и сам человек. Гибель множества людей — великанов науки, культуры, религии — говорит нам о внутренней поврежденности грехом, этим “радикальным злом”, правителей и всей государственной системы. Причина зла лежит глубоко, причина не внешняя, не случайная и преходящая, а глубочайшая внутренняя, заключающаяся в ненормальном состоянии самой человеческой природы.

Общечеловеческое сознание говорит, что своими собственными силами люди не могут сделаться чистыми сердцем. Человечество ждало искупления. Для достижения нравственного совершенства нам нужно стоять на совершенно независимой от врожденной греховности почве, вне нашего естественного Я. Архимед сказал: “Дайте мне точку опоры, и я поверну землю”. Вот этой точки опоры, этого рычага для того, чтобы повернуть, изменить, возродить себя, человек, поврежденный глубоко и внутренне грехом, не находит в себе, но находит его в чистой и могучей религии Христа, искупившего людей и даровавшего им чрез веру силы высшие, благодатные, — все необходимые Божественные силы, которые к жизни и благочестию (2 Петр. 1, 3).

Если современное образованное человечество желает свой век сделать веком врачевания старых ран и исправления старых ошибок, то залогом исправления старых немощей и залогом будущего обновления жизни оно должно избрать обращение к Богу, ко Христу и к Церкви. В христианстве и теперь тот же дух, та же жизнь, что дарована ему на вечные веки. Своим небесным светом оно и науке поможет в ее исследованиях, и предохранит ее от опрометчивых выводов. Своим духом оно согреет и воодушевит государственное и общественное законодательство и даст ему величайшее достоинство авторитетности и силу внутренней обязанности. Своей жизнью оно обновит нашу жизнь земную, осветит и осчастливит загробную.

Истина — в Иисусе, говорит апостол (Ефес. 4, 21). Во Христе “сокрыты все сокровища премудрости и ведения” (Кол. 2, 3). Он и доныне стоит пред миром и говорит: “Я есть путь и истина, и жизнь” (Иоанн 16, 6); “Придите ко Мне все” (Мф. II, 28).